

Глава 8

Отделавшись от назойливого брата парой фраз, Ли Шиминь, опасаясь, что тот попытается силой оседлать коня после его ухода во дворец, приказал своему телохранителю немедленно отвести Салучзы в его резиденцию.

Так Ли Шэна повели прочь. Он был любимцем Цинь-вана, и никто не осмеливался на него садиться. Всю дорогу до княжеской резиденции он шёл, гордо неся голову.

Возможно, из-за многолетних войн, а может, столичные жители были просто смелее и опытнее, но нравы здесь показались Ли Шэну весьма бойкими. В его прошлой жизни, при виде проезжающей знати, уличные торговцы спешили убратся с дороги. Здесь же люди с любопытством толпились по обочинам, наблюдая и время от времени отпуская комментарии.

— Сразу видно, монгольская порода. Гляньте на этот костяк, на гриву, на статью! Мускулы длинные, упругие — конь создан для стремительных набегов.

Ли Шэн вспомнил тот многолюдный односторонний марафон на лошадях, и его до сих пор пробирала дрожь.

«Дядя, мне очень приятна ваша похвала, но, честно говоря, я не силён в этом. Спасибо».

— А масть какая красивая! И в гриве, кажется, драгоценные камни вплетены, блестят на солнце.

Ли Шэн с гордостью тряхнул головой.

— Да, видно, что хозяин его очень любит. Только вот причёска на гриве уродливая, только камни портит.

Ли Шэн расстроился.

У ворот резиденции Цинь-вана стража узнала телохранителя своего господина и тут же бросилась вперёд, чтобы забрать поводья, но тот не отдал.

— Этот конь очень важен. Проводи меня, я размещу его, а потом пойду во внутренний двор засвидетельствовать почтение княгине, — сказал телохранитель, крепко сжимая поводья. Зная, как его господин дорожит Салучзы, он понимал, что если просто передаст коня кому попало, ему не поздоровится.

Ли Шэна провели через боковые ворота в конюшню на территории резиденции. Он огляделся: просторно, чисто, хорошо проветривается.

Телохранитель лично проследил, чтобы Салучзы насыпали овса, помыли поилку и налили чистой воды. Убедившись, что конь начал есть, он повернулся и пошёл во внутренний двор.

Ничего не поделаешь, у этого коня был свой нрав. Даже телохранитель знал, что Салучзы сначала съедал зерно, потом долго смотрел на сено и лишь затем, с видом великомученика, начинал его жевать — медленно и без всякого энтузиазма. Даже конь мог всем своим видом показать своё презрение к сену.

Но нельзя же кормить его одним зерном. В военном лагере лошадей было много, и даже главнокомандующий должен был соблюдать правила, ведь все полководцы смотрели на него.

Поэтому их господин очень переживал. С июня, когда они выступили в поход, до сентября, когда вернулись с победой, свежей травы становилось всё меньше. В основном приходилось использовать заготовленное сено, которое было ещё менее вкусным, и Салучзы презирал его ещё больше.

Поэтому, увидев, что Салучзы притронулся к еде, телохранитель вздохнул с облегчением. Служащему всегда нежелательны лишние хлопоты.

Ли Шэн, как обычно, съел зерно из кормушки и больше не притронулся к сену. Они вернулись в Чанъань, он хотел чего-нибудь вкусного!

К тому же, он был уверен, что Эр Фэн угостит его чем-нибудь особенным. Так что лучше оставить желудок пустым в ожидании.

Тем временем госпожа Чансунь, узнав от телохранителя, что её муж отправился во дворец на аудиенцию к Его Величеству, и взглянув на небо, предположила, что император вскоре отпустит его домой переодеться, так как вечером, скорее всего, будет устроен пир в честь победы. И она начала готовиться.

Ли Шиминь вернулся домой примерно через час. Супруги, долго не видевшиеся, о многом хотели поговорить.

— На этот раз было очень опасно. Если бы в тот день Салучзы не остановился как вкопанный, боюсь, я бы, как и Сюэ Цзюй, заразился чумой. И тогда исход этой войны был бы непредсказуем.

Едва он договорил, как прохладные пальцы коснулись его губ. Госпожа Чансунь, слушая рассказ мужа, тоже испугалась.

— Не говорите так, Ваше Высочество. Вас хранит Небо, всё будет хорошо.

Госпожа Чансунь вышла за него в тринадцать лет. Их можно было назвать друзьями детства.

Глядя в покрасневшие глаза жены, он с грустью подумал, что на поле боя оружие не разбирает, и полной безопасности не бывает. Старший брат — наследный принц, и ему не пристало часто бывать на поле боя. Третий брат не мог справиться с командованием и удержать армию. В деле завоевания Поднебесной, если не полагаться на своих, кому можно доверять? К тому же, ему и самому хотелось сражаться.

— На этот раз я многим обязан Салучзы. Ты не представляешь, какой он умный и сообразительный. Он привередлив в еде, хитёр, умеет ласкаться. Я никогда не видел такой разумной лошади. Когда я преследовал Сюэ Цзюя, мне казалось, что я его не догоню, и Салучзы был уже на исходе сил. Но он собрался с духом и сделал последний рывок, благодаря которому я смог лично сразить вражеского вождя. Иначе, даже если бы мы победили, главная заслуга досталась бы другому, и победа была бы неполной.

Говоря это, он вспомнил о своём любимце. Салучзы не любил сено, предпочитая фрукты. Но в походе откуда было взять столько фруктов? Он отдавал ему свою долю, чтобы уговорить выпить лекарство. Теперь, когда они вернулись в Чанъянь, нужно было побаловать Салучзы чем-нибудь вкусным.

И вот Ли Шэн дождался своего большого угощения — небольшой корзинки с семью или восемью плодами.

Там были даже виноград и персики! И две зелёные груши! А также несколько маленьких зелёных дынь, которыми его часто кормили в лагере.

Он был так рад, что, казалось, считал шаги Ли Шиминя, приближавшегося к нему. О, рядом с ним была женщина.

Но он быстро догадался, кто это. Женщина, которая могла так запросто стоять и смеяться рядом с Ли Шиминем, могла быть только его женой, будущей императрицей Чансунь.

Впрочем, сейчас ему было не до неё. Всё его внимание было приковано к маленькой корзинке.

Три шага, два, один... Ли Шэн не удержался и шагнул вперёд, прижавшись грудью к ограждению и вытянув шею.

Ли Шиминь с улыбкой выложил фрукты в каменную кормушку и, обняв жену, с восторгом наблюдал, как его драгоценный конь уплетает угощение.

Да, в будущем люди могли часами смотреть, как панда грызёт бамбук. Эр Фэн, должно быть, испытывал похожие чувства.

Госпожа Чансунь же видела перед собой просто высокого и статного коня. У неё не было того умиления, с которым её муж смотрел на своего «детёныша». Понаблюдав, как конь съел пару

дынь, она обошла его кругом, чтобы со всех сторон рассмотреть этого чудесного скакуна, о котором столько говорил её муж.

И как только она зашла сбоку, то увидела странные треугольные пучки, в которые была заплетена его грива.

«Как уродливо! Но это сделал мой муж... Хм, посмотрю ещё раз... Нет, всё равно ужасно!»

Она молча подумала, а затем повернулась и приказала слуге:

— Принесите гребень для лошадей. И зайдите вперёд, попросите у служанок шёлковые ленты для волос.

Повернувшись к мужу, она мягко улыбнулась:

— Этот конь спас Ваше Высочество, он мне очень нравится. После долгого похода его грива, должно быть, запачкалась. Позвольте мне позаботиться о нём.

«Она так много готова сделать для меня! Госпожа Чансунь действительно моя добродетельная жена!»

«Нет, я просто не могу на это смотреть! Не могу допустить, чтобы князь выезжал на таком Салучзы!»

«Боже, императрица Чансунь, вы, должно быть, фея! Я наконец-то избавлюсь от этой дурацкой причёски! Каждый раз, ловя на себе странные взгляды, я готов был умереть от стыда! А Эр Фэн ещё и договорился через несколько дней поехать на охоту. Я не хочу снова позориться!»

Эстетический вкус и мастерство госпожи Чансунь были несравнимы с талантами предыдущего мастера Эр Фэна. Процесс был более сложным и тщательным.

Сначала она прошлась по гриве большим гребнем, затем гребнем с более частыми зубьями вычесала пыль.

Потом его гриву посыпали каким-то порошком, который, как оказалось, женщины использовали для ухода за волосами. Когда порошок стряхнули и смыли, начался непосредственно процесс укладки.

Новая причёска в общих чертах напоминала творение мастера Ли, но была выполнена в роскошном и сложном стиле. Гриву с обеих сторон разделили на пряди и заплели в изящные косички из четырёх прядей. Посередине оставили распущенную прядь, в которую крест-накрест вплели боковые косички, закрепляя их серебристо-белой шёлковой лентой. Между

ними вплели аметистовые бусины, а в конце закрепили всё широким гребнем с вырезанным узором благовещих облаков.

Девушки определённо лучше справляются с такими вещами. Госпожа Чансунь и две её служанки управились меньше чем за четверть часа. Их движения были быстрыми и лёгкими, и они заодно устроили ему уход за волосами. Ли Шэн наслаждался каждой минутой. Ах, как бы он хотел, чтобы Эр Фэн поучился у своей жены.

После всех этих процедур госпожа Чансунь заметила, что конь стал к ней ласковее. Он смотрел на неё блестящими глазами, осторожно подошёл, склонил голову и потёрся о её руку. Он делал это так аккуратно, боясь её обидеть, она лишь почувствовала лёгкое касание рукава, и конь тут же отстранился.

«Действительно, очень разумный», — подумала она и с улыбкой достала из рукава кошелек, а из него — изящный маленький флакон. Взяв у служанки маленькое фарфоровое блюдце, она налила в него немного густой жёлто-коричневой жидкости и поднесла ему.

«Что это?» Ли Шэн опустил голову и понюхал. Сладкий аромат. У него тут же потекли слюнки. За все эти месяцы он ни разу не пробовал настоящего сахара.

Пурпурный конь опустил голову, высунул язык и лизнул. Сладко!

Все присутствующие почувствовали его восторг. Он даже прищурил глаза и перестал махать хвостом, сосредоточенно слизывая с блюдца это блаженство.

— Ваше Высочество, княгиня, пора идти переодеваться.

Госпожа Чансунь передала блюдце и флакончик с сиропом служанке. Ли Шиминь подошёл, потрепал коня по голове и, уходя, наказал служанке:

— Не давайте Салучзы слишком много сахара.

Ли Шэн, наслаждавшийся угощением, услышал это и, подняв голову, бросил на него сердитый взгляд.

«Эр Фэн, советую тебе не лезть не в своё дело!»